

ГЛАВА 1

— Поверить не могу, что позволила себя уговорить! — ворчала я, сидя на открытой палубе теплохода «Москва» и наблюдая, как Тарасов медленно тает в туманной дымке горизонта.

Стояло раннее июньское утро. Ветра совсем не было, и «Москва» резво вспарывала гладкие воды реки, оставляя за собой ажурный пенный след.

Мой собеседник протянул бутылку воды, к которой я с жадностью приложилась.

— Не жалуйся, — весело ответил он и картинно развел руками, предлагая мне восхититься окружающим пространством, — душевное мероприятие в прекрасной компании и потрясающем по красоте месте. Идеальные выходные! А то сидела бы сейчас в какой-нибудь засаде, пила свой дурацкий кофе или размахивала пистолетом перед носом какого-нибудь уголовника.

— Интересно ты представляешь себе мою работу, — заметила я.

Мой друг Гарик Сагателян, главный редактор одного из главных новостных изданий города, разразился залиvistым, почти девичьим смехом:

— Я вообще ее себе не представляю. Тебе пошло бы работать модным фотографом или дизайнером интерьеров.

— Почему это? — удивилась я.

— У тебя ноги дизайнера интерьеров, — ответил Гарик и опять расхохотался, чем привлек внимание окружающих.

Компания девушек, занявшая передние сиденья, обернулась на нас с интересом.

— В прошлый раз ты говорил, что у меня ноги как у фотомодели.

— Нет, я передумал. Все-таки для модели у тебя слишком много мозгов.

— Ты во власти стереотипов. Отвратительная черта для редактора СМИ.

Я обмахнулась сложенным вдвое тонким журналом. Несмотря на то что на палубе дул ветерок, от подступающей духоты он почти не спасал. Все собравшиеся были легко одеты и с некоторой тоской думали о том, что спустя несколько часов, в самую жару, придется переодеться в пышные праздничные платья. Белесое, бледное небо предсказывало знойный день лучше любого метеопрогноза.

Я оказалась на этом теплоходе совершенно случайно. Три дня назад Гарик позвонил мне в ди-ком волнении и попросил составить ему компанию на свадьбе друга, куда его пригласили шафером.

Неожиданное предложение удивило меня.

— А почему ты не пойдешь с женой? — спросила я, впрочем, заранее предвидя ответ.

Дело в том, что другом Гарик был замечательным, но как супруг никуда не годился. Его ссоры с женой стали легендарными в кругу его знакомых, и ничто не предвещало перемен. Радужный, веселый, но, увы, любвеобильный

и капризный Гарик доводил свою супружницу до белого каления то вздорным поведением дома, то интрижками на стороне. Примерно раз в три месяца Марианна хлопала дверью и, усадив детей на заднее сиденье «Тойоты Камри», уезжала к родителям. После чего Гарик две недели беспробудно пил и веселился, а потом неделю драил квартиру, покупал дорогие украшения, игрушки и униженно полз к родственникам, чтобы вернуть семью обратно. Этот процесс был неизменным и цикличным, как смена времен года. Поэтому свой вопрос я задала скорее для проформы, но ответ меня удивил.

— Марианна подала на развод, — ответил мой друг и, кажется, первый раз в жизни искренне разрыдался в трубку.

— Надо же... — ошеломленно пробормотала я, слушая вполуха резкие утробные всхлипы, — неужели у нее наконец мозгов хватило...

— Что?

— Ничего.

Гарик обиженно засопел.

— И, даже безмерно страдая, ты все равно тащишься на свадьбу? — не удержалась я от колкости. — Неисправимый болван!

— А что я могу сделать? Думаешь, если не пойду, Марианна передумает и отзовет заявление? — горячо вспыхнул мой друг и тут же уныло добавил: — Тем более я свидетель на этой свадьбе. Отказываться поздно, люди на меня рассчитывают.

— Ладно, — ответила я, пожалев несчастного, — какого числа сие событие?

— Шестого июня.

— Куда мне подъехать?

— На городской причал. Оттуда пароходиком нас перевезут в «Рай», — ответил Гарик и, не удержавшись, фыркнул, потому что фраза прозвучала двусмысленно.

— Блин, — расстроилась я.

Мероприятие явно займет кучу времени, и просто прийти посветить лицом для формальности не получится.

«Рай» был гостинично-ресторанным комплексом, располагавшимся на одном из многочисленных маленьких островков посреди реки, на всех картах обозначенном как о. Мирный. Раньше сюда плавали энтузиасты походов и любители позагорать на диких пляжах: остров с одной стороны был окаймлен широкой песчаной полосой. Добраться на Мирный можно было только на лодке — вплавь было далеко с обоих берегов. Поэтому место считалось экзотикой, и народу тут всегда было немного. Но несколько лет назад бесхозный Мирный привлек внимание одного тарасовского бизнесмена, который решил устроить на нем престижное место отдыха для провинциальной элиты. Диких туристов попросили найти другое место для костров и палаток, а на небольшом холме быстро выросло двухэтажное строение с гостевыми номерами и примыкавший к нему банкетный зал в виде остекленной со всех сторон террасы. Пляж очистили и расширили — на нем установили волейбольную сетку и кабинки для переодевания. Бизнесмен оборудовал причал с лодками и баню. Все это великолепие было названо «Раем», и на остров потянулся народ. Вскоре живописные виды и красивые закаты прославили остров как идеальное

место для свадеб. Тарасовские новобрачные вставали в очередь на запись с декабря, а к началу весны все летние даты в «Раю» были расписаны. До сих пор мне, доводилось бывать в этом местном курорте, но я не особо обрадовалась возможности наконец его посетить. Плыть до острова — почти два часа. Уплыть оттуда пораньше невозможно. А перспектива провести выходные в пусть и веселой, но незнакомой, компании меня особо не радовала. Но ничего не поделаешь.

— Расскажи мне о людях, — попросила я, рассматривая разношерстную компанию, собравшуюся на борту.

Гарик вытянул для удобства ноги под соседнее сиденье, скучным голосом начал:

— Жених — мой друг детства, Витька Демидов. Мы с ним до восьмого класса вместе учились. Потом я ушел в гимназию, а он остался в обычной школе. Но дружить мы не перестали. До сих пор видимся периодически. А месяц назад он попросил меня стать его шафером. Получается, я его лучший друг. Еще он довольно успешен, если тебе интересно.

— Не так уж успешен, раз ты — его лучший друг, — съехидничала я.

— Ой, заткнись, — мне в плечо прилетел шуточный тычок.

Мы оба рассмеялись.

— Знакомое лицо у твоего друга, — уже серьезнее сказала я, — не могу вспомнить, где могла его раньше видеть.

Жених был высоким, жилистым, темноволосым парнем. У него была на редкость смазливая наружность. Обычно такие нравятся женщинам,

но привлекательность Виктора Демидова была какой-то излишней, что делало его почти противным и придавало образу зловещие черты.

Я мысленно дала себе подзатыльник. Ведь за-рекалась же судить людей по внешности!

— Витька — фигура почти публичная, — сказал Гарик, — он — креативный директор ночного клуба «Мексиканец». Слышала, наверное? Периодически всплывает в местных новостях.

— Точно, вспомнила! — Я так громко это произнесла, что к нам обернулись. Понизив голос, я пояснила другу: — Мой знакомый подполковник Кирьянов устраивал там рейд по поимке наркоманов. Среди задержанных был интересующий меня фигурант, и я приехала с ним поговорить. Витька твой там мелькал, естественно. Очень нервничал и орал на журналистов.

— Надеюсь, ты его не арестовала? — обеспокоился Гарик. — А то он обидчивый.

— Нет, но, надеюсь, память на лица у него плохая. Кирьянов на моих глазах его здорово облаял, заявив, что у них не ночной клуб, а натуральный притон. Я стояла рядом, когда твой друг получил нагоняй, а потом прибежал разъяренный владелец клуба и добавил твоему Витьке люлей за то, что тот — цитирую — «развел в заведении богемный кишлак». Что бы это ни значило.

— Витька устраивает в клубе разные тематические вечеринки, за счет чего «Мексиканец» не сходит с газетных и интернет-полос. Естественно, контингент на такие мероприятия приходит разный. По сути, он делает все, о чем его просят — креативит, как может, и пиарит клуб. Но иногда его заносит. Например, как-то пару ме-

сяцев назад он организовал вечеринку в духе девяностых — «Героиновый шик». Гранж, максимально тощие модели с неряшливым макияжем, клипы «Nirvana» и море алкоголя. На экранах транслировались показы мод «Версаче» и «Готье», а на танцполе зажигали девочки гоу-гоу в клетчатых юбках. В общем, по задумке, людям предлагалось поностальгировать об ушедшей эпохе, а на деле клиенты оттолкнулись от слова «героиновый» и пришли либо под веществами, либо в надежде, что им на баре бесплатно отсыплют.

Я рассмеялась:

— Именно на эту вечеринку мы с Кирыным и выезжали.

— Правда, Витьке хоть кол на голове теши — через месяц в «Мексиканце» стартуют «Дни колумбийской культуры». Сечешь тематику?

— Опять что-то наркоманское?

— Он не рассказывает. Говорит — приходи, сам увидишь. Скорее всего, что-то законное, но на грани провокации.

— И за такого деятеля родители, не смущаясь, отдают свою дочь?

Мы одновременно повернулись в сторону пожилой парочки, которая держалась за руки и что-то оживленно обсуждала через несколько рядов от нас. Мужчина достал недорогой смартфон и предложил спутнице сделать совместное фото. Женщина кокетливо замахала ладошками:

— Я же вся растрепанная, Коля!

Гарик пожал плечами:

— Ну, если говорить серьезно, то Витька, конечно, не наркоман. А наоборот, успешный, при-

личный и перспективный молодой человек. Упакован хорошо — квартира, машина, должность денежная. Внешне неплох...

Я фыркнула, услышав в его голосе легкие нотки зависти.

Он улыбнулся:

— Короче, девкам нравится. Так что жених завидный, не то что я.

Мой друг, как фокусник, достал из воздуха фляжку с коньяком и отвинтил крышечку.

— Здравствуйте-пожалуйста! — возмутилась я и выдернула из его рук опасную игрушку. — Ты сейчас накидаешься на жаре, а мне тебя на церемонии придется на руках держать?

— Не преувеличивай! — возмутился Гарик, пытаясь вернуть фляжку.

Я защемила ему палец секретным приемом, показанным мне одним спецназовцем.

Друг ойкнул и ту же сдался. Фляжка нырнула в мою сумку.

— С тобой с ума сойдешь! — прошипела я. — Не вздумай вести себя как идиот, иначе я обратным рейсом уеду на этом самом пароходе! Будешь страдать и фотографироваться в одиночку.

Гарик, обидевшись, замолчал и уставился вдаль, где медленно проплывали зеленые берега, сонные от росистого тумана.

Я толкнула его локтем в бок:

— Не дуйся. Получишь свою фляжку после церемонии. Ты же не хочешь испортить другу торжественный день?

— Ладно, — пробурчал Гарик, нехотя возвращая мне свое расположение.

В этот момент мимо по проходу тяжелой поступью прошла девушка в плотном розовом платье, отделанном кружевом. Она под села к трем подружкам впереди и о чем-то с ними заговорила. Все четверо рассмеялись, достали телефоны и начали делать селфи. Потом девушка в розовом платье встала и прошла дальше, где у лестницы, ведущей на первую палубу, стоял фотограф. Он должен был снимать свадебную церемонию по прибытии, а сейчас изредка делал репортажную фотосъемку путешествия. Девушка недовольно высказала ему пару слов, после чего фотограф начал активнее щелкать своим фотоаппаратом. Ее лицо показалось мне симпатичным, но несколько надменным.

— Это невеста, — объяснил Гарик.

— Как ее зовут?

— Вика. Она учительница.

По моему лицу Гарик понял, что я немного удивлена.

— Знаю, знаю. Сейчас ты спросишь, как эта парочка вообще могла сойтись. Но почему бы и скромным провинциальным учительницам не отхватить кусочек гламурного счастья? В конце концов, она ведь преподает не в церковно-приходской школе. Витька в бабах разбирается. Наверное, в ней есть что-то, чего мы не замечаем.

— Вообще-то я хотела спросить, как умная и красивая учительница могла выбрать такого щеголя и прожигателя жизни, как твой Витька, — усмехнулась я. — Мы, похоже, очень по-разному смотрим на жизнь.

— Это точно, — недовольно пробурчал мой друг, разглядывая невесту, — вот ты когда в последний раз развлекалась?

— Я была в ночном клубе позавчера. Мы с Кирьяновым...

— Я имею в виду не по работе, — прервал меня Гарик.

— Не помню, — честно ответила я, — предпочитаю другой отдых. Книги, путешествия, выставки...

— Сходи все-таки на «Дни колумбийской культуры», — вздохнул Гарик, — тебе будет полезно.

* * *

Два часа на жаре показались мне самым долгим путешествием в жизни. Когда за изгибом реки показался наконец долгожданный остров, все гости заметно оживились. Приближаясь к нему, мы с интересом рассматривали проступающий сквозь деревья и кусты облик знаменитого «Рая».

Над невысоким кустарником и редкими берегами, любезно сохранными застройщиком с восточной стороны острова, возвышалось грузное краснокирпичное здание с небольшими, но частыми окнами. Оцинкованная остроконечная кровля ярко блестела на солнце. Здание напоминало аскетичный средневековый замок, хотя задумка архитектора явно была другой. Должен был получиться современный минималистичный объект, но мансардная крыша, добавленная, чтобы увеличить количество комнат, портила замысел и придавала строению немного нелепый вид. Жадность, как известно, губит красоту. Однако обилие цветущей зелени, хороший ландшафтный дизайн

и стена из высоких сосен, возвышавшаяся за гостевым домом в западной части острова, нивелировали промах с архитектурным решением и делали это место уютным и живописным.

«Москва», томно раскачиваясь на волнах, пристала к небольшому причалу, от которого к берегу вел длинный мостик. Он был обрамлен деревянными перилами, выкрашенными в снежно-белый цвет. Мостик упирался в небольшую лесенку в пять ступеней, которая выводила гостей на смотровую площадку. На площадке я разглядела фигуру женщины в темно-зеленом костюме. Она смотрела на прибывших из-под ладони. Я поняла, что это администратор. Из-за ее спины выскочили двое работников, которые резво спустились к мостику, чтобы перенести с парохода в гостевой дом все необходимое для свадьбы и помочь гостям с вещами.

Свадьба начала десантироваться на остров. Мы с Гариком топтались в самом конце.

— А почему народу так мало? — спросила я, оглядев всех, кто шел перед нами.

— Почему мало? — удивился Гарик.

Он окончательно осоловел от жары и не отличал от бутылки с водой.

— Я ожидала гламурную свадьбу на триста человек, а тут и двадцати гостей не наберется.

— Сегодня выездная регистрация, на нее приглашены самые близкие, — объяснил мой друг, — а для большинства будет вечеринка в Тарасове через три дня. Тащить сюда толпу накладно. Витька все-таки пока не так уж богат. Просто повезло с должностью. Поэтому слово «экономия» ему не чуждо.

Жених в сопровождении двух друзей шел первым. Его широкая спина в светло-серой футболке уже мелькала у берега. Взбежав по лесенке на площадку, он сорвал с себя футболку и, обернувшись к шедшим позади, замахал ею над головой. Среди гостей раздался радостный визг и подбадривающее улюлюканье. Виктор шутливо продемонстрировал зрителям свои мускулы, накаченные в спортзале, вызвав новую порцию всеобщего одобрения и завывания. Видеооператор, распахивая всех локтями, продрался вперед, чтобы поснимать это эффектное зрелище. Фотограф не отставал.

— Штаны тоже скидывай! — заорали друзья.

Виктор как будто этого и ждал — он мгновенно стянул свои бермуды кричащей гавайской расцветки, под которыми оказались комичные семейные трусы в сердечках, с огромной надписью «Жених». Гости — преимущественно молодежь — восторженно завопили, правда в общем гуле я различила тихое, но четкое шептание: «Какой идиот!»

— Боже мой! — закатила глаза невеста. — Мужики такие дети!

— Ничего, перевоспитаешь, — раздались возгласы.

— С таким не соскучишься.

— Не отставай, тоже раздевайся!

— Куда ты меня привез? — спросила я у Гарика, который радостно улюлюкал вместе со всеми.

Внезапно мне захотелось домой, к моим уютным тарасовским преступникам, которые, хоть и совершают злодеяния время от времени, но не машут при этом штанами над головой.

Худенькая скромная женщина рядом со мной грустно улыбнулась:

— Он очень изменился в последнее время. Вообще, Витя не такой...Надеюсь, Вика вправит ему мозги в голову.

— Нужно говорить просто «вправит мозги», Алла Михайловна, — рассмеялась Вика и приобняла будущую свекровь. — Не волнуйтесь, я вправлю ему мозги. Будет образцовым мужем.

— Ты у меня умница, — рассеянно кивнула женщина, недовольно всматриваясь в стоящего на площадке сына.

Наконец все гости, включая нас с Гариком, взошли на смотровую площадку, откуда открывался чудесный вид на реку. Дальний берег терялся в знойном мареве, а полоса синеватого леса на краю горизонта сливалась с голубизной полуденного неба. Река искрилась от яркого солнца так, что смотреть на нее было больно, как на сварку.

Женщина-администратор с усталым лицом приветствовала нас натянутой улыбкой. Очевидно, поведение жениха, неожиданно оголившегося перед публикой, насторожило ее — проблемных клиентов никто не любит, даже если они хорошо платят.

Она пригласила прибывших в гостевой дом, и гости вереницей потянулись за ней.

— Надеюсь, там есть кофе, — пробормотала я и вдруг, споткнувшись на ступеньке, потеряла равновесие. От комичного падения носом вперед меня удержала чья-то крепкая и сильная рука.

— Осторожнее, барышня, — раздался над ухом добродушный голос.

Я обернулась. За локоть меня поддерживал статный пожилой мужчина, похожий на всех ге-

нералов сразу. Почему-то в любой толпе я безошибочно могла определить военного — наверное, им свойственна особая выправка.

— Спасибо, — улыбнувшись, пробормотала я.

— Вашему кавалеру стоит внимательнее следить за своей спутницей, — сказал он.

Гарик, поднимавшийся по ступеням впереди меня, был увлечен беседой с двумя подружками невесты.

Я пожала плечами:

— Моему кавалеру не до меня.

В глазах мужчины мелькнуло непонимание, но я поспешила его успокоить:

— Все в порядке. Мы друзья, а не пара. Я — Татьяна, подруга шафера.

Мужчина пожал руку, которую я ему протянула:

— Владимир Павлович, крестный невесты и друг семьи. Генерал в отставке.

Я мысленно дала себе «пять» за верную догадку.

— Вовочка, подожди! Поди сюда, — зашебетала сзади мама невесты.

Она попросила генерала «щелкнуть их с мужем» на ступеньках, и вся троица немного отстала.

Наверху Гарик протянул мне руку.

— Красиво тут, скажи?

— Ага, и барышни красивые всюду, да? Ты уже ищешь новую миссис Сагателян?

Гарик обиженно фыркнул:

— Просто парой слов перекинулись. Не включай «копа из отдела нравов».

Я решительно взяла его за край рубашки.

— Гарик, давай расставим все точки над *i*. Мне по барабану твоя взъерошенная личная жизнь. Но я тут никого не знаю, и мне не хочется проводить

время в окружении незнакомых людей, пока единственный приятель носится за юбками, как счастливый спаниель. Поэтому, раз я сделала тебе одолжение, приехав сюда, ты ни на шаг от меня не отходишь. А штопать сердечные раны будешь, когда мы вернемся в Тарасов. Ферштейн или не ферштейн?

Я думала, Гарик опять, по обыкновению, начнет стонать и жаловаться, но вместо этого он рассмехался и покровительственно меня приобнял.

— Понял, не дурак. Я весь твой сегодня и завтра. Могу продлить наш интим и на будущее, если ты этого захочешь.

— Скорее ад замерзнет. Держи. — Я вручила другу свою легкую сумку, и мы не спеша пошли по дорожке, выложенной фигурной плиткой.

— Признайся, ты просто ревнуешь, — сказал Гарик интимным полупшепотом.

Я вместо ответа ткнула его кулаком в бок.

* * *

Зданию гостевого дома «Рай» определенно не хватало изысканности. В каждой детали, даже самой пафосной и эффектной, чувствовалась экономия, которой руководствовался собственник и которая вступала в спор с замыслом дизайнера. Большая полукруглая лестница перед входом была создана для того, чтобы на ней фотографировались новобрачные. Но ее венчал довольно дешевый плексигласовый козырек, который портил все впечатление. На арочных окнах висели синтетические занавески. А ламинат в некоторых местах

истерся до такой степени, что проплешины приходилось прятать неуместными коврами и напольными цветочными горшками. Но если отвлечься от этих досадных мелочей и сконцентрироваться на общей картине, место было вполне приятным.

Правда, отвлечься мне удалось ненадолго. Когда мы поднялись на второй этаж, где располагались номера, выяснилось, что на ресепшене нам с Гариком выдали один ключ на двоих.

— Ты шутишь! Общий номер?

Наверное, мой возмущенный возглас был слышен в каждом уголке этого громадного гостевого дома.

— Ну что я могу поделывать? Номер заказывали давно. Предполагалось, что я буду с женой. Оп! — Гарик с разбегу прыгнул на широкую двуспальную кровать под пологом и пригласительно похлопал ладонью по покрывалу.

— Черта с два. Спать будешь на полу, кину тебе пару подушек.

— Милая, ты сама просила ни на шаг от тебя не отходить, — съязвил Гарик.

Номер выходил окнами на реку и пляж. На склоне виднелась небольшая волейбольная площадка и ряд пляжных качелей с полосатыми тентами. Я увидела, как жених с парой друзей уже бежали туда, очевидно, намереваясь искупаться. На Викторе красовались купальные шорты с принтом в виде бразильского флага.

«Интересно, он и на церемонии будет в каких-нибудь трусах?» — невольно подумала я и отошла от окна.

Гарик, не вставая с кровати, швырнул свою дорожную сумку в открытый шкаф, а я плюхнулась

в смешное кресло на кривых ножках, стоящее у туалетного столика, — на удивление мягкое и удобное.

— Так. Какое у нас расписание?

Гарик сел на покрывале, обняв жилистыми ногами диванную подушку.

— Перед церемонией есть часа четыре. У тебя еще примерка платья — Марианна должна была быть одной из подружек невесты. Теперь ее платье придется надеть тебе. — Я подняла бровь, но, устав возмущаться, ничего не сказала. — Ближе к вечеру церемония на берегу, потом банкет. Все просто.

— Ладно. План такой. Я пойду узнаю насчет примерки платья и раздобуду тебе раскладушку.

— А мне что делать?

— А у тебя дело особой важности — раздобудь мне чашку кофе. Потом, так и быть, погуляем по острову, и ты поплачешься мне в жилетку.

Гарик молча упал на кровать, прижал подушку к лицу и прогудел в нее:

— Уговорила. Но я буду ныть долго, не жалуйся.

— Вот, и ладушки.

Я спустилась на первый этаж, откуда доносились возбужденные голоса. Подружки невесты фотографировались у помпезного и безвкусного фонтана в фойе. Он изображал толстенького маленького мальчика, с трудом держащего в руках громадную рыбину. Из раскрытого рта рыбины тонкой струйкой лилась зеленоватая вода, которая наполняла круглый бассейн, окружающий статую. Вода слегка отдавала затхлостью.

— Добрый день, — поздоровалась я с подружками невесты, которые пристально меня оглядели с ног до головы, — мне сказали, надо примерить какое-то платье.

— Идемте, — вздохнула одна из девушек, самая тоненькая и невысокая, — я тоже свое еще не мерила.

Другие две молча отвернулись и продолжили свою фотосессию. Я почувствовала с их стороны завистливую неприязнь, но решила не обращать внимания на реакцию незнакомых мне людей.

Девушка повела меня по узкому коридору первого этажа в одну из дальних боковых комнат.

— Не обижайтесь на моих подруг, — сказала она, улыбаясь, когда мы отошли подальше, — просто они не ожидали, что у Гарика такая эффектная жена. Мы на вашем фоне изрядно меркнем. Я — Варя. А вы, кажется, Марианна? — Мы вошли в помещение, залитое теплым солнечным светом. Оно, очевидно, служило складом для свадебных нужд.

— Нет, — ответила я, оглядываясь вокруг, — Марианна не смогла прийти, поэтому Гарик пригласил меня. — Девушка удивленно приподняла идеально нарисованную бровь. Чтобы избежать дальнейшей неловкости, я приврала: — Мы с ним дальние родственники, ничего криминального.

Лицо у девушки прояснилось.

— Ой, извините. Я подумала...

— Ничего страшного. У Гарика сплошная «Санта-Барбара» дома, так что я уже привыкла подменять невестку.

— Значит, платье шили на нее, а надеть придется вам? Надеюсь, вы одного размера?

Я неопределенно махнула рукой. Марианну я видела один раз в жизни пять лет назад. Тогда она была высокой и стройной, но после двух родов вполне могла поправиться.

— Более-менее, — сказала я, надеясь, что платье будет в пору.

В небольшой тесной комнатке на всех имеющихся горизонтальных поверхностях лежала куча вещей, предназначенных для свадебной церемонии и банкета. Из раскрытых пакетов торчали какие-то ленточки, бумажные шапочки и театральный реквизит. Я с грустью вспомнила, что на любой свадьбе есть тамада и дурацкие конкурсы. Наверное, даже если ты владеешь половиной мира и за руку здороваешься с английской королевой, на собственном бракосочетании тебя все равно заставят пить из невестиной туфли и со связанными руками хватать зубами яблоко, плавающее в тазу.

На дверце грузного двустворчатого шкафа я заметила белое платье, дожидаящееся невесту. Варя огляделась и увидела наряды, сваленные обслуживающим персоналом на одном из диванов.

— Черт знает, что такое! Разве можно так обращаться с вещами, да еще и праздничными!

Я озадаченно посмотрела на ворох коричневатого и фиолетового фатина, над которым кудахтали Варя.

— Они должны быть подписаны. Нас четверо. Два платья сливовые, два — кофейные. Мое на примерке было сливовое, второе такое уже у Юли. Значит, ваше — кофейное. Вот! — Она торжественно выдернула нужное платье и удостоверилась, что к нему прицеплена верная бумажка с именем.

Я, онемев, уставилась на то, что мне предлагалось надеть. Жуткое бесформенное облако серо-коричневого цвета словно выплыло на божий свет из моих ночных кошмаров. Лиф был задрапирован

горизонтальными складками и расшит мелкими золотистыми пайетками. Над ним торчали гигантские рукава буф, а форму подола определить вообще не представлялось возможным, потому что он представлял собой сплошную многоярусную гору из фатина, сидящую на объемном подъюбнике.

— Надевайте, посмотрим. — Варя решительно расстегнула на чудовище потайную молнию сзади.

Я подумала, что придется выставить Гарику счет за это мероприятие.

— Какое объемное, — тактично произнесла я вполголоса, пытаясь совладать с эмоциями.

Первой реакцией было броситься в реку и вплавь вернуться в Тарасов, только бы меня не увидели в этом безумии.

— Дизайн для подружек придумала сама невеста, — пояснила Варя, помогая мне справиться с платьем.

— И что же вы ей такого сделали? — не удержалась я.

Девушка замерла на секунду, а потом тихо рассмеялась.

— Вы правы. Ужасное платье. Но Вика хотела, как лучше. Просто она не особо разбирается в нарядах. Она другая, понимаете? Ей некогда думать о моде и обо все таком, девичьем. Она любит красивые вещи, но вкуса у нее нет. Мы сначала советовали ей подработать фасон, но она так расстраивалась. Поэтому мы с девочками решили потерпеть. Нам же не всю жизнь его носить. А Вике будет приятно. Знаете, она свою свадьбу чуть ли не с детства планировала, и платья эти так себе и представляла.

— Ну, если вы потерпите, то я тем более потерплю, — улыбнулась я.

Наконец мы с Варей смогли натянуть на меня творение невесты. Я глянула в зеркальную дверь ближайшего шкафа и едва устояла на ногах. Моя фигура напоминала торт, растоптанный солдатским сапогом.

— Не переживайте, это только для церемонии и профессиональной съемки. Потом можно будет переодеться и нормально отдохнуть.

«Господи, меня в этом еще и сфотографируют!» — метнулась в моей голове непрощенная мысль.

Я пошевелила руками и поняла, что талия ползет вниз.

— Все-таки велико, — огорчилась Варя, но тут же нашлась: — Сейчас ушьем, не переживайте. У меня всегда с собой иголка с ниткой на такой непредвиденный случай.

Девушка покопалась в своей сумочке и вытащила катушку бежевых ниток с воткнутой в нее иголочкой.

— Стойте ровно, — велела она и через секунду уже что-то стягивала и сшивала крепкими, быстрыми пальцами.

— Вы швея? — спросила я, чтобы заполнить паузу. Движения рук девушки показались мне профессиональными.

— Нет, но шить люблю, — ответила Варя.

— У вас пальцы очень сильные, — заметила я, когда Варя больно стянула ткань у меня под грудью.

— Извините, — забеспокоилась девушка, — я просто занимаюсь восточными единоборствами. Не всегда могу силу рассчитать. Ну вот. Повернитесь.

Я повернулась и подняла руки.

— Ну, визуально лучше не стало, — рассмеялась девушка, — но оно с вас, по крайней мере, не спадет в критический момент.

— Утешили, — вздохнула я, — но все равно, большое спасибо. А то мне пришлось бы держать его руками.

— Не за что. Мне бы тоже не хотелось, чтобы какое-нибудь недоразумение испортило Вике праздник. — Варя деловито смотала катушку и воткнула в нее кончик иглы. — Вам, наверное, некомфортно среди незнакомых людей? Я вот терпеть не могу праздники, на которых никого не знаю. Да, признаться, вообще торжества — это не мое. И сюда бы не пришла, если бы... — Тут Варя запнулась и покачала аккуратной маленькой головкой: — Ерунда. Не обращайтесь внимания. Надеюсь, вам будет с нами весело.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась я, пытаюсь сгладить возникшую неловкость.

Спустя пятнадцать минут я вошла в номер и нашла там Гарика, который возился у журнального столика с френч-прессом и двумя чашками.

— Дорогой друг, мне стала понятна причина вашего развода! — объявила я, усаживаясь в приглагнувшееся мне кресло.

— А? — не понял Гарик.

— Держу пари, Марианна дала деру, лишь бы не ехать с тобой сюда и не надевать платье подружки невесты. Ради такого можно и семьей пожертвовать.

Гарик рассмеялся:

— Все так плохо?

— Максимально. Если после сегодняшнего вечера где-то останутся фотографии с моим изображением, я тебя прикончу. А потом и всех остальных, кто тут был и может проболтаться.

— Быстрее бы посмотреть, — сказал Гарик, протягивая мне чашечку с напитком. Аромат кофе немного взбудрил, и я с наслаждением сделала глоток.

— Пока есть время, пойдем погуляем. Мне нужно морально подготовиться к тому, что меня ждет.

— Давай, — согласился Гарик, — я с удовольствием проветрюсь. Мне говорили, на другом конце острова есть лебединая запруда. Можем устроить для тебя эффектную фотосессию. До того как профессиональный фотограф все-таки запечатлеет тебя для потомков. Я говорил, что мы опубликуем пару снимков в «Итогах»? Все-таки Витька — личность достаточно медийная.

— Только этого не хватало!

— В прошлом году в нашем материале о завидных женихах Тарасова он занял третье место. Сама понимаешь, мы не можем мимо пройти.

— Глупость какая. Вы — серьезное издание.

— С рубрикой «Светские сплетни». — Гарик опять хохотнул своим фирменным басовитым смешком.

— Если там будет снимок с моим участием, я сделаю тебя самым безработным редактором Тарасова.

Мы допили кофе и, спустившись на первый этаж, вышли на улицу, на пороге столкнувшись с невестой. Она была все в том же плотном платье с розовым кружевом и наверняка умирала от жары, но виду не подавала.

— А вы не пойдете на пляж? — вежливо поинтересовалась она, и мы заверили ее, что обязательно пойдём.

— Я тоже немного погуляю, но купаться не буду — скоро прическу и макияж нужно делать. А вы развлекайтесь, — ответила невеста.

Мне почудилась в ее словах какая-то дворянская нотка, словно барыня разрешила дворовым немного отдохнуть перед полуденной пахотой.

Она спустилась по ступенькам, свернула направо и быстро скрылась из виду за кустами сирени и ивняка.

— Кстати, я непрочь искупаться. Мне о прическе можно не беспокоиться, а о макияже тем более, — заметил Гарик, — он у меня перманентный.

— Жара и горе делают тебя несмешным, — съязвила я.

— Ты разбиваешь мне сердце.

Солнце уже стояло в зените. Лужайка перед гостевым домом была залита светом и жаром, как растопленным маслом. Вдалеке, над берегом, администратор и пара помощниц расставляли стулья для церемонии перед свадебной аркой, увитой живыми цветами. Рядом звенели голоса подружек невесты, которые фотографировались у цветочных клумб. Похоже, к моменту отъезда, на острове не останется ни одного уголка, который бы не поучаствовал в съемке.

Гарик, фыркнул с плохо скрываемым раздражением:

— Почему бабы так любят везде фотографироваться?

— Эй! — возмутилась я. Женская солидарность внезапно взяла верх. — Потому что мы красивые!

— Если вам надо сто тыщ фотографий, чтобы это доказать, может, вы не такие уж и красивые?

Я похлопала друга по плечу:

— Ты, похоже, поставил целью живым с этого острова не уехать. Я удивляюсь только одному — как Марианна продержалась пять лет рядом с тобой?

— Не начинай, — погрузнел Гарик и обернулся на звук шагов, раздавшихся рядом: со стороны оранжереи осторожно шла официантка, держа обеими руками огромную цветочную композицию, предназначенную для свадебного стола.

Она остановилась перед входом в банкетный зал и безуспешно пыталась открыть ногой стеклянную дверь, завешенную легким сборчатым тюлем. Мы с Гариком распахнули перед ней неподдающуюся створку.

— Спасибо, — едва дыша, поблагодарила официантка из-под отросшей светлой челки, — еле дошла, не вижу ничего из-за этих лилий.

В банкетном зале сновал обслуживающий персонал. Шуршали белоснежные скатерти, и звенели столовые приборы. Вовсю шла подготовка к свадебному ужину. Гарик сунулся было попросить бутылку воды, но его вежливо попросили воспользоваться кулером в фойе.

Мы вернулись в гостевой дом, где я заметила ряд бутылочек с водой, стоящих на стойке ресепшена. Взяв с собой две штуки, мы снова вышли на солнце.

От главного входа вели две дорожки в прямо противоположные стороны. Направо можно было пройти мимо банкетного зала, выйти на площадку для выездной регистрации и, обогнув ее, свернуть к оранжерее и лебединой запруде. Уходящая влево дорожка вела мимо живописного сада к декоративному мостику, оттуда мимо пляжа к банному комплексу и все той же лебединой запруде. По сути, это была одна круговая дорожка вокруг острова. Оставалось выбрать направление для прогулки.

— Давай заглянем на пляж, — попросил Гарик, — я хочу искупаться. Ты же не против?

— Не против, — пожалала я плечами, — там, кажется, качели с тентом стоят. Посижу, пока ты плаваешь, мне надо написать пару сообщений.

Мы двинулись по дорожке, уводившей налево, и тут же оказались в пятнистой садовой тени. Тропинка вилась между густыми сиреневыми кустами, высаженными рядом с прибрежными ивами и обрамленными множеством цветочных посадок. Особенно выделялись крупные садовые ромашки, свесившие головки к тропе так, что их приходилось обходить. Вдоль дорожки шла низкая фигурная ограда, выкрашенная в белый цвет. Между невысокими кустами тут и там виднелись садовые скульптуры и композиции. Я засмотрелась на тачку, живописно опрокинутую на полянке — в ней была устроена пестрая клумба.

— Думаешь, это конец? — спросил вдруг Гарик, сбивая ладонью цветочную головку. Белый венчик с желтой ноздреватой серединкой спикировал в траву.

— Что «конец»? — не поняла я.

— Моему браку конец, — пояснил он, — если Марианна подала на развод, то уже не вернется?

Я пожалала плечами:

— В этом деле я тебе не советчик. Но ты бы для начала сам определился — нужен тебе брак, или нет. Тебе давно пора повзрослеть. На уме одни девки да пьянки.

— Я знаю.

— У тебя двое детей.

— Знаю.

— Ты — редактор солидного издания...

- Знаю.
- И законченный идиот.
- Зна... эй!

Мы рассмеялись.

— Я не хочу, чтобы она уходила. Мне паршиво. Может, меня на этой свадьбе так развезло? Я целый день вспоминаю нашу с ней церемонию. У нее была фата три метра длиной, и в конце вечера я-таки наступил на нее и порвал.

Мы не спеша дошли до небольшой заводи, через которую был перекинут мостик с высокими перилами. Дорожка вела прямо через него. Река выгрызла себе небольшой кусочек берега в этом живописном месте, и дизайнер, оформлявший берег, не преминул этим воспользоваться.

— Наверняка наши барышни тоже будут тут фотографироваться, — сказал Гарик и, облокотившись о перила, комично спародировал типичную женскую позу с рукой на боку.

— Очень похоже. Тебе стоит написать статью о современном эксгибиционизме.

— Я подумаю над этим. А сейчас давай-ка сфотографируемся. — Гарик достал смартфон из кармана и нажал кнопку камеры.

— Нет! — запротестовала я и попыталась увернуться, но друг ухватил меня за плечи и щелкнул нас обоих над журчащей водой.

— Смотри, как хорошо получилось. — Гарик вывел изображение на экран и показал мне. Мое лицо застыло в смешной гримасе.

— Удали, — потребовала я.

Гарик приблизил снимок и хихикнул, но вдруг нахмурился.

— Какого черта...

— Что случилось?

Мой друг, не отвечая, сунул телефон обратно в карман и, перегнувшись через перила, заглянул под мостик. Я поняла, что в кадр попало что-то необычное, и последовала его примеру.

Через секунду нам обоим стало не до смеха. В воде, закинув ногу на берег, среди гладких влажных камешков и остролистой осоки лежало тело женщины. Именно эту ногу в бежевой туфле Гарик заметил на фото.

Мы сбежали с мостика и по траве спустились к воде. К своему ужасу, я узнала плотное розовое платье с кружевной отделкой.

— Господи, это Вика! Помоги мне! Ей, наверное, плохо стало. — Гарик попытался приподнять девушку с земли. Прядь светлых волос вылезла из тугой косы и зацепилась за пуговицу на его футболке.

— Черт! — Гарик попытался освободиться, переложил Вику на свободную левую руку, чтобы правой отцепить застрявшую прядку, и в этот момент голова девушки откинулась, обнажив темные пятна на бледной шее.

— Гарик, положи ее обратно на землю и отойди.

— Что?

— Быстро! Мне нужна твоя помощь и холодная голова. Вика задушена.

ГЛАВА 2

Несмотря на то что я постоянно имела дело с преступниками, трупы мне доводилось видеть редко. Все-таки большей частью я расследую причины убийств, а не занимаюсь поиском тел. Поэ-

тому на несколько минут я словно впала в ступор, пытаясь сообразить, что нужно сделать в первую очередь.

В тени деревьев у заводи все дышало затхловатой сыростью. Пахло речной тиной и ракушками.

Гарик резко отпрянул от тела Вики и уселся на влажной траве, схватившись за голову. Его глаза были широко раскрыты, и он что-то еле слышно шептал непослушными побелевшими губами. Потом отполз в заросли клочковатой осоки, где его стошнило.

Я наклонилась над несчастной девушкой. Лицо ее было багровым — самое очевидное свидетельство удушья, не считая синевших на горле отчетливых следов. В полуприкрытых глазах виднелись лопнувшие капилляры. Я взяла Виду за руку, пощупала запястье. Потом попыталась найти признаки сердцебиения, приложив пальцы к мягкой ямке у нее на шее. Пульса не было. Шея была подвижна под моей ладонью.

— Похоже, ее задушили голыми руками. Гор-тань сломана.

— Бога ради, замолчи! — простонал Гарик.

«Кто мог это сделать? Кто? Как это вообще могло случиться здесь — прости господи, в «Раю»!»

Сквозь эту очевидную мысль настойчиво пробивалась вторая:

«Кто мог так рисковать? Здесь вокруг люди. Преступника в любой момент могли увидеть. А может, увидели? А может, он где-то здесь? При-таился за ветками бузины и ждет момента, чтобы опять напасть...»

В голове моей зашумело, как перед обмороком. Я попыталась взять себя в руки и сделала несколь-

ко глубоких вдохов, пытаясь успокоить колотившееся сердце и выровнять дыхание. Любому сыщику — будь он из полиции или нет — известно: первые минуты самые важные.

Я поднялась с земли и прислушалась, но мне мешали Гариковы завывания.

— Тише! — приказала я и сама удивилась железным ноткам в своем голосе. — Замолчи и дай послушать.

Теплый ветер слабо шевельнул кроны деревьев. Далеко позади слышался залиvistый девичий смех. Впереди раздавались возбужденные крики парней и звонкие удары по мячу. Еще один порыв ветра — и кусты сирени вокруг хором нежно зашестели. Звуков было много, но только одного не было — звука шагов.

Я сорвалась с места и, перебежав декоративный мостик, понеслась дальше. Через пару десятков метров дорожка вывела на открытое место. Отсюда к пляжу полого спускался стриженный газон, который пересекали аккуратные, засыпанные мелким дробленным камушком, дорожки. На песке у волейбольной сетки два парня перекидывали друг другу мяч.

Я остановилась и огляделась. Никого больше вокруг не было. Я вернулась к мостику и нашла своего друга на прежнем месте. Он уже успокоился, но по-прежнему тяжело дышал и покрылся испариной.

— Что надо делать? — спросил он, увидев меня. — Ты же знаешь, что делают в таких случаях.

— Прежде всего успокоиться.

— А дальше?

— Дальше мы звоним в полицию.

— Хорошо. Звони. Звони своему Кирьянову. Я побегу скажу остальным. Нужно что-то делать...

— Нет, подожди, — придержала его я, — сначала надо проконсультироваться с полицией. Эта новость вызовет... я даже представить не могу, что она вызовет. Тут же присутствуют ее родители. Они захотят увидеть дочь, могут сдвинуть тело, или еще не знаю что... Не говори никому о Вике, но узнай, есть ли в гостевом доме медик, и, если есть, приведи его сюда.

— Ты уверена, что она мертва?

— Уверена, но помощь профессионала в осмотре не помешает. Полиции и «Скорой» сюда добираться долго.

Гарик кивнул и поднялся на ноги, отряхивая измазанные землей узловатые коленки.

— И держи себя в руках, понял? Паника нам ни к чему.

Мой друг, не отвечая, побежал по дорожке по направлению к гостевому дому. Он быстро скрылся из виду среди кустов и деревьев, а я набрала номер Кирьянова и стала ждать ответа, шагая по дорожке взад и вперед.

Гудки, казалось, были бесконечными, и я уже испугалась, что Владимир Сергеевич вообще не возьмет трубку, но он ответил. В динамике раздалось его громкое, солидное:

— Да?

— Киря... Слушай, не знаю, как сказать, но, если коротко, у меня тут труп на свадьбе.

— Тань, тебя плохо слышно, повтори! — прокричал Кирьянов.

Помехи донесли до меня только часть фразы. Я мысленно чертыхнулась. Еще не хватало усугубить положение плохой связью.

— Я говорю — у нас на свадьбе труп! Тут произошло убийство.

— Ты шутишь? — изумился Кирьянов. — Какая свадьба? Какой труп? Подожди, я выйду из кабинета, на улице связь получше.

Я подождала. Заросли рядом вновь зашуршали, и какая-то небольшая птичка со свистом взмыла в небо. Вдалеке был слышен мужской хохот. Заиграла музыка из колонки — свежеспеченный хит этого лета, уже успевший надоесть до зубовного скрежета. Удивительно — вокруг продолжалась жизнь, а тут, в нескольких метрах от нее, воцарилась смерть. Едва вступив в свои права, она начала захватывать пространство. Сюда никто не забредал, вода в заводи под мостиком стояла недвижимо, как мертвая, а на лицо убитой села муха, которую я согнала движением руки.

— Алло! — Голос моего друга, подполковника полиции Владимира Сергеевича Кирьянова, стал четче. Помехи почти пропали. — Рассказывай!

Я попыталась описать ситуацию, но от волнения получилось немного сумбурно:

— В общем, я приехала на свадьбу, тут все разбрелись погулять до церемонии, а мы с Гарриком нашли труп.

— Чей?

— Невесты.

— Господи! Иванова, предупреждаю, если это какой-то дурацкий розыгрыш...

— Это не розыгрыш! Я стою над теплым трупом, — мой голос начал срываться, — Кирия, помоги. Я не знаю, что делать и за что хвататься.

— Ты уверена, что это труп? Может, обморок.

— Нет, пульса нет. Лицо красное, на шее синяки от пальцев — удушение чистой воды. Мертвых всегда видно, Володь. Она мертва.

— Обалдеть, — присвистнул Кирьянов, — прости, что говорю это, но ты как свинья. Только она грязь везде найдет, а ты преступление. Самой не надоело?

— Ты скажешь, что делать или нет? — заорала я, чувствуя, что начинаю терять самообладание.

— Ладно, прости. — Голос Владимира Сергеевича мгновенно стал серьезным. — Где ты находишься? Диктуй адрес.

— Я не знаю адреса. Я посреди реки.

— В смысле?

— Гостевой дом «Рай». На острове.

— Черт, — выругался Кирьянов, — чтоб тебя! Туда ходу час на пароходе.

— Два...

— Час от часу не легче! — Повисла пауза.

Я почти слышала, как скрипят, проворачиваясь, шестеренки в голове моего давнего друга, пытаюсь найти выход из сложной ситуации.

Наконец Владимир Сергеевич сквозь зубы пробормотал:

— Ладно. Жди нас. Ничего другого тебе не остается.

— А делать-то что? Тут люди, родители.

— Тебе и карты в руки. Главное, чтобы не затоптали следы. Постарайся всех в комнаты загнать, и пусть ждут. А ты не трогай ничего, чтобы криминалистам работу не сорвать.

— Не маленькая, знаю.

— Знаю, что знаешь. На всякий случай говорю. Ну, и включай свою голову на полную катушку. О выводах расскажешь, когда мы с ребятами прибудем. Сфотографируй место преступления и труп. Опроси людей. Если спросят о полномочиях — действуешь с согласия полиции. Если что, звони, я всегда на связи. Подскажу, что могу. Как транспорт выйдет — отзвонюсь.

— Хорошо, — сказала я, почувствовав, что разговор в какой-то степени меня успокоил.

Я уже хотела положить трубку, как отеческий голос Кирьянова снова всплыл в динамике:

— И это — поосторожней там. Убийца-то, получается, на острове. Где-то ходит рядом. Много людей на свадьбе?

— Не очень.

— Не нравится мне это. Начнешь копать — как бы он не забеспокоился. Слишком близко подберешься — и убийца выкинет какой-нибудь фокус.

— Но у меня нет другого выхода. Надо искать по горячим следам, — возразила я.

— Не маленький, знаю. Поэтому и говорю — осторожней.

Закончив разговор, я присела на скамейку, стоящую рядом. Как хорошо, что дизайнер, разбивший этот мини-парк, на каждом повороте понатыкал скамейки.

На секунду закрыв глаза, я прислушалась к внутреннему голосу, пытаюсь понять, что он мне говорит.

Как назло, в голову лезли совершенно глупые, посторонние мысли. Например, о том, что жуткое платье подружки невесты теперь останется лежать

кучей коричневого фатина на диване. Или что из-за жары у меня промокли от пота лопатки. Нужно действовать, а для этого требуется собраться. Быстро, Иванова!

Я снова достала смартфон, включила камеру и начала снимать окружающий пейзаж на видео — обошла по мостику заводь и запечатлела его с разных берегов. Потом включила режим фотосъемки и сделала кучу фотографий, стараясь охватить каждый квадратный сантиметр, а также подходы к месту преступления.

Сюда по-прежнему никто не заглядывал. Гости были заняты досугом и отдыхом, не подозревая, что скоро все изменится, и «вечер перестанет быть томным».

Я вдруг поняла, что именно мне выпала обязанность поведать жуткую новость родителям невесты.

Я навела камеру на лежащую на берегу девушку. Сфотографировала фигуру целиком, потом приблизила изображение и крупно сняла лицо, шею, руки. У виска я заметила тонкую розовую чуть припухшую царапину. Значит, возможно, была борьба.

Не прикасаясь, я тщательно осмотрела лицо и волосы жертвы. Выше царапины нашелся ровный клочок — кто-то вцепился ей в волосы, но вырвать с корнем не вырвал, а чуть порвал прядь. Кожа у корней в этом месте тоже покраснела.

Я зафиксировала на камеру все следы и выпрямилась.

— Кто же тебя убил, — вслух произнесла я, все еще не в силах поверить, что этот ужас происходит на самом деле.

В этот момент на дорожке раздались шаги. Из-за кустов показался Гарик. Он шел торопливой рысью, комично оглядываясь по дороге, словно снимался в плохом фильме про шпионов.

Я поднялась на дорожку, пряча телефон в карман джинсовых шорт.

— Короче, — затараторил он полусшепотом, — медика нет. Никакой охраны тоже нет. Вообще никого. Мы тут одни, как обезьяны в клетке. Я осторожно спросил, что будет в случае какого-нибудь ЧП — ну там, драка, потасовка — свадьба все-таки. Администратор сказала, они просто вызывают полицию и ждут. Пытаются утихомирить буянов собственными силами.

— Детский сад! А если у гостей будут стволы, и они решат просто положить тут всех? Благодаря этим идиотам, мы заперты на острове с убийцей без всякой охраны! — вырвалось у меня.

Гарик в изумлении приоткрыл рот — похоже, ему, как и мне сначала, даже не пришла в голову простая мысль о том, что убийца бродит где-то рядом.

— Администратор сказала, что охрана раньше имелаась. Год назад вообще все по высшему разряду было — обслуживающего персонала работало в два раза больше. А теперь хозяин экономит. Они даже официантов разово на заказы нанимают.

— Ладно, разберемся с этим позже. Кирьянов сказал, надо всех изолировать в комнатах. Хватит комнат на всех?

— Думаю, да. А что, в одну комнату нельзя всех посадить? В банкетный зал, например, — удивился Гарик.

— Нельзя, — ответила я, — допрашивать людей легче по одиночке. Меньше паники и мельтешения.

Я стремительно зашагала обратно к гостевому дому. Гарик пыхтел сзади.

— Допрашивать? Ты что, будешь допрашивать гостей?

— Да. С разрешения полиции. Все, все вопросы позже. — Я остановилась посреди полянки и развернулась к другу, который чуть не налетел на меня от неожиданности. — Мне нужна помощь, так что, считай, ты тоже действуешь с санкции тарасовской полиции.

Гарик ошарашенно на меня уставился.

— Я? И что от меня требуется?

— Делай, что говорю, и будет тебе счастье. Первым делом надо всех собрать и объявить людям печальную новость.

— И как это сделать? — спросил Гарик.

— Очень просто. Обойди остров и скажи каждому, кого встретишь, что мы собираемся в банкетном зале для важного объявления. Расскажем и разведем по комнатам.

— А ты что будешь делать?

— А я поговорю с администратором и попрошу собрать весь обслуживающий персонал.

* * *

Администратора я нашла в ее кабинете — маленькой комнатке на первом этаже, заставленной громоздкой офисной мебелью и всяким хламом. Шкафы, стеллажи, два стула из разных гарнитуров.

На одном из стульев стоял на железном подносе помпезный сервиз с гнутыми ручками. На массивном столе лежали папки и какие-то бумаги, а пухленькая невысокая блондинка в тесном жакете что-то яростно подсчитывала на калькуляторе.

При моем появлении она подняла голову и приспустила на нос квадратные очки в красной оправе.

— Слушаю.

Я вошла и присела на стул напротив ее рабочего места.

— Меня зовут Татьяна Иванова. Я пришла сообщить, что на территории гостевого дома совершено серьезное преступление.

Женщина закатила глаза.

— Господи, ну что еще? Опять драка? Почему ни одна свадьба без этого не обходится! Это какой-то ад, а не «Рай»!

— У вас на территории убит человек.

Администратор вытаращила глаза и подняла тонкие дужки серых бровей:

— Что?

— Понимаю, в это трудно поверить, но на осознание и панику мало времени. Точнее — нет совсем. Пойдемте, я покажу, где это случилось. И просьба — держите себя в руках, пожалуйста. Нам сейчас нужно многое сделать, и для меня важно, чтобы вы оставались в адекватном состоянии.

— Что? Вы кто вообще? — Голос женщины стал возмущенно-тонким, с визгливыми нотками.

Настала моя очередь закатывать глаза.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Анна Леонидовна меня зовут, — с вызовом ответила женщина, — в чем дело?

— Пойдемте со мной, Анна Леонидовна. Только прошу, без истерик.

— Это розыгрыш какой-то? Учтите, в конкурсах и розыгрышах я не участвую. Даже за дополнительную плату! — Администратор устало потерла переносицу. — У меня много работы, так что...

— Идемте же, черт вас возьми. У нас серьезная ситуация, без всяких шуток, — повторила я тверже и огляделась по сторонам. — Погодите. Мне нужно что-нибудь, чтобы накрыть тело убитой девушки до приезда полиции. Полагаю, мешков для трупов вы не держите. А какая-нибудь тонкая ткань у вас есть?

— Я не...

— Что угодно, чтобы накрыть тело. Быстрее!

— Господи! Какое тело?

Я подошла к женщине и резко тряхнула ее за плечи. Может быть, этот жест, а может, мой взволнованный голос заставил ее всерьез отнестись к происходящему, но она наконец встала со своего стула и подошла к одному из шкафов у дальней стены.

— Есть занавес... — растерянно произнесла она, доставая с верхней полки огромный куль разноцветной ткани, упакованный в полиэтилен, — мы его использовали раньше для театральных постановок...

— Хорошо, пойдет. — Не дослушав, я приняла из ее рук сверток и распотрошила его, положив на диван.

Занавес оказался слишком большим. Не спрашивая, я схватила со стола канцелярские ножницы и отрезала кусок, подходящий на глаз, чтобы прикрыть тело убитой.